

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА В РОССИИ XX в.

М.Е. Яковлев

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам развития детского коллектива в образовательной практике XX в. К началу XX в. в отечественной педагогической практике стихийно начинают применяться образовательные технологии, основанные на взаимодействии с детским коллективом. Постепенно эта практика принимает вид формирования первичных молодежных организаций, однако этот процесс так и не успел достичь в Российской империи своей законченной формы. Созданные организации так и не показали значительных педагогических результатов. В советский период развитие детского коллектива теснейшим образом оказалось связано с государственной молодежной политикой и развитием пионерии — уникального по масштабам образовательного эксперимента по вовлечению в молодежную организацию абсолютно всех детей. Такая политика принесла свои плоды и стала одной из «визитных карточек» Советского Союза. В то же время, как показывают архивные материалы, политика эта не лишена была своих подводных камней и оценивалась неоднозначно даже самими осуществлявшими ее государственными деятелями. Современная Россия находится в поисках собственного подхода к формированию детского коллектива.

Ключевые слова: история образования, детский коллектив, молодежные организации, советская пионерия, школы Российской империи, этнорелигиозное воспитание, отечественная педагогика

233

Для цитирования: Яковлев М.Е. Историческая динамика развития детского коллектива в России XX в. // Преподаватель XXI век. 2026. № 3. Часть 2. С. 233–242. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-233-242

HISTORICAL DYNAMICS OF CHILDREN'S COLLECTIVE DEVELOPMENT IN RUSSIA IN THE XX CENTURY

М.Е. Yakovlev

Abstract. This article examines specific aspects of children's group development in the XX-century educational practice. By the early XX century, educational technologies based on interaction with children's groups began to be spontaneously applied in Russian

© Яковлев М.Е., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

pedagogical practice. Gradually, this practice took the shape of the formation of primary youth organizations, but this process never fully developed in the Russian Empire. The organizations created failed to demonstrate significant pedagogical results. During the Soviet period, the development of children's groups became closely linked to state youth policy and the development of the Pioneer movement — a unique educational experiment on a large scale to involve absolutely all children in a youth organization. This policy bore fruit and became one of the hallmarks of the Soviet Union. At the same time, as archival materials show, this policy was not without its pitfalls and was viewed with controversy even by the government officials who implemented it. Contemporary Russia is searching for its own approach to shaping children's groups.

Keywords: *history of education, children's collective, youth movements in Russia, Soviet pioneer, school in pre-revolutionary Russia, ethno-religious education*

Cite as: Yakovlev M.E. Historical Dynamics of Children's Collective Development in Russia in the XX Century. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2026, No. 3, part 2, pp. 233–242. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-233-242

В начале XX в. российская педагогика стояла на пороге большого рывка. Отдельные учителя активно экспериментировали с различными образовательными технологиями, в том числе подразумевавшими формирование группы или обращение к групповой идентичности. Одной из точек роста для детей был, видимо, платный характер обучения, побуждавший искать любые возможности для смягчения финансового бремени, висящего над своей семьей и семьями товарищей. Примечательный эпизод произошел в гимназии г. Юрьева, где 7 февраля 1909 г. был устроен литературно-музыкальный вечер в пользу нуждающихся учеников гимназии. Педагоги прибегли к хорошо показавшей себя в дальнейшем технологии соединения детских коллективов со взрослыми — ученикам-вокалистам аккомпанировал приглашенный оркестр Красноярского полка. Также выступали ученический оркестр мандолинистов и кружок балалаечников. Концерт сопровождался всеми атрибутами «взрослого» мероприятия — с разрешения полицмейстера были отпечатаны даже программы с указанием имен исполнителей. Заметен и подчеркнута взрослый репертуар. Так, одна из гимназисток исполнила «На земле весь род людской» [1]. Юрьевское реальное училище пошло еще дальше, устроив свой музыкально-вокальный вечер в местном театре. К сожалению, на отпечатанной ими афише нет указания, исполняли Крейцерову сонату ученики, профессиональные музыканты или те и другие вместе [1] — возможно и то и другое. Таким образом, имел место по крайней мере один пример прочтения публичных лекций в пользу нуждающихся школьников профессорами Императорского Юрьевского университета [1] — детей и взрослых объединяли общая проблема и общее дело, вовлечены в которое могли быть как музыканты-солдаты, так и русские профессора, представители элиты общества. Ученики, конечно, видели такую вовлеченность и должно быть ощущали немалую важность собственной деятельности.

Должно быть, замечая отдельные примеры успехов внеурочной педагогической работы, а также негативные тенденции, существовавшие в ряде школ [2], власти все сильнее склонялись к мысли использовать детские группы не только как инструмент личностного развития ученика, но и для военно-патриотического воспитания,

что вылилось в так называемое «Потешное движение». Идея создания при воинских частях и учебных заведениях подшефных «потешных» подразделений, объединяющих детей и подростков возрастом до 15 лет, наложилась, видимо, на практику привлечения солдат к проведению занятий по физической культуре в школах. Отличал «потешные части» как строго добровольный характер их формирования, так и «мирный» характер получаемых навыков — образовательным итогом «потешной» подготовки становились парады и спортивные соревнования, не включавшие ни стрельб, ни какую-то адекватную времени боевую подготовку [3]. Единственным собственно боевым навыком, преподаваемым детям, было фехтование, очевидный архаизм для начала XX в. Таким образом, потешные отряды не были ни парамилитарными, ни направленными на начальную военную подготовку, ни как-то особенно содействующими патриотическому воспитанию. Едва ли не единственным итогом их существования стали подтвержденные случаи травли: нахватавшиеся от преподававших строевую подготовку унтер-офицеров, дети задирали своих одноклассников, в «потешные» части не входивших [4].

На подобные отечественные педагогические эксперименты, налагался общеевропейский вектор развития педагогической мысли. Скаутское движение пришло в Россию в 1909 г., но наложилось на множество уже существующих в стране обществ содействия физическому развитию, первые из которых зародились еще в царствование Александра III. Сходным образом сложный вопрос в отношении педагогических перспектив представляет собой существование в России изначально чешского движения «Сокол», особенно поддерживаемого А.П. Столыпиным, и в значительной степени смешавшегося с «Потешным движением», участники которого практиковали «сокольскую гимнастику». Все эти опыты создания детских организаций постигла одна и та же судьба — Российская империя пала раньше, чем проявились существенные образовательные результаты. Тем не менее можно предполагать, что результаты эти были бы значимы лишь в части, касающейся физического воспитания. Даже такую естественную для мальчиков склонность, как игра в войну, «педагоги от бюрократии» ухитрились лишить всякого деятельного начала, всякого стремления к подвигу, погружая детей в сухой, казенный мир уставов и парадов.

Революция открыла для отечественной педагогики новые страницы, подробно изученные учеными с совершенно разных сторон, будь то теория связи умственной и речевой деятельности Л.С. Выготского, теория коллектива А.С. Макаренко, различные вариации деятельностного подхода. Включенность данных трудов в университетскую программу любого педагогического института позволяет обойти их подробную характеристику в данной статье, ограничившись обзорным упоминанием.

Л.С. Выготский открыл совокупность положений, долгое время фигурировавших в университетских курсах как «основной закон педагогики» — причинно-следственную взаимосвязь между обучением и развитием в рамках зоны ближайшего развития. Другое открытие Л.С. Выготского заключалось в наличии прямой связи между развитием ребенка и развитием его речи. Возникла прямая цепочка, ставшая основой для всей отечественной психолого-педагогической школы педагогики, содержание любого курса задавалось возрастными особенностями развития ребенка и направлялось на упражнение определенных типов мышления, универсальным маркером развивающего действия же служила речевая деятельность [5].

В краткой дефиниции новаторство А.С. Макаренко заключалось в осознании коллектива как субъекта педагогических отношений и построений методики преподавания (а отчасти и руководства воспитанниками) с упором на взаимодействие именно с этим субъектом. Таким образом выстраивалась модель самодисциплины учащихся не в индивидуальном, а в коллективном виде, система, где дети выступают друг для друга и сдерживающим и развивающим фактором. Этот принцип, так называемого «параллельного воздействия» на одного через всех и на всех через активных учеников, лег в основу мейнстрима советской педагогики [6]. Стоит отметить, впрочем, что он никогда не был единственным, сперва испытывая давление со стороны педологии, а после и фрагментарно подвергаясь критике со стороны зарождающейся отечественной модели личностно-ориентированной педагогики. Одним из подходов к педагогическому процессу выступала концепция коллективных творческих действий И.П. Иванова, также известная как «коммунарская методика» [7].

Педагогические дискуссии XX в. сами по себе представляют интересный предмет исследования, но для тематики данной статьи гораздо важнее, какое именно институциональное проявление имела совокупность теорий и подходов в их практическом применении по отношению к детскому коллективу. Здесь прежде всего маркером выступает методическая основа, структура и сущность Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина.

Советская пионерия не представляла собой неизменный по своей природе монолит, она менялась, и достаточно интенсивно, в зависимости от времени и конкретной территории. Чтобы попытаться оценить, как именно весь механизм должен был работать, автор данной статьи обратился к документам архива ЦК ВЛКСМ середины — конца 50-х гг., когда под руководством А.Н. Шелепина в организации развернулась интенсивная дискуссия о формах ведения пионерской работы.

Докладные записки той поры [8] освещают широкий спектр проблем пионерии, сформировавшихся в сталинский период:

- Некоторые отряды собирались раз в месяц, причем тематика собраний ограничивалась обсуждением двоек и планированием мероприятий, воспитательная работа таким образом велась от случая к случаю.
- В 1938 г. Было дано указание прекратить прием в октябрят и считать всех младших школьников октябрятами по умолчанию. Фактически это привело к тому, что некоторые школы вовсе перестали создавать октябрятские звездочки.
- Многие пионеры не могли объяснить свою роль в социалистическом строительстве, что особенно было видно, когда к пионерам водили делегации зарубежных молодежных организаций.
- Основная внеурочная деятельность школьников приходилась на кружки, а не на пионирию, участие в которой ассоциировалось со скучными официальными мероприятиями.
- Ряд пионерских отрядов существовал только на бумаге, большим скандалом стал случай, когда 2-й секретарь Куйбышевского РК ВЛКСМ Жуйков, чтобы продемонстрировать немецкой делегации фактически несуществующую пионерскую дружину домоуправления, привел из ближайшей школы отряд вместе с вожатой, о чем те просто душно и заявили на вопросы гостей.

- Серьезная нехватка штатных вожатых. Секретарь ЦК ВЛКСМ по работе среди пионеров и школьной молодежи З.П. Туманова зачитывала на заседании ЦК ВЛКСМ письмо вожатой, сетующей, что она одна, в довесок к основной работе учительницей, руководит дружиной из 173 учеников, к тому же постоянно растущей [9].

- Заместитель заведующего отделом по работе среди школьной молодежи и пионеров ЦК ВЛКСМ Г. Сарафанникова зачитала на заседании ЦК ВЛКСМ письмо из издательства «Молодая гвардия» о недостаточной подготовке вожатых, получающих свое звание без какого-либо экзамена или практики, зачастую не умеющих работать с детьми, а руководство отрядом получающих как неприятный довесок к основной работе. Ею же была приведена статистика, что в 1949 г. почти половина всех старших вожатых в стране не имели даже среднего образования.

Приведенная в отчетах комсомольских функционеров картина, конечно, сильно отличалась от образа пионерии, оставшегося в народной памяти. По ним складывается впечатление, что порой пионерские отряды создавались «для галочки» и выступали скорее красивым фасадом, чем реальным объединительным началом для молодежи.

Тем не менее указанные выше явления не стоит и переоценивать, в конце концов, управленческая команда А.Н. Шелепина намеренно подсвечивала именно проблемы, чтобы обосновать необходимость фундаментальных преобразований.

Как же предполагалось [8] выстроить пионерский коллектив после реформы?

Прежде всего, придать каждому такому коллективу однообразие — создавать их только на базе школ (либо летних лагерей) и только по схеме школа — класс — группа из 8–10 одноклассников, дружина — отряд — звено. Одним из главных достижений стала система бесшовного перехода между возрастными ступенями и четко прописанных обязанностей для пионеров каждой ступени.

Над всеми дружинами района/города шефствовала районная/городская пионерская организация с базой в доме пионеров, возглавляемая членом бюро райкома/горкома ВЛКСМ, и выполняющая прежде всего методическую функцию — обобщающая опыт работы, а также обеспечивающая базу для различных видов детской деятельности, особенно творческой. Позднее был создан и Центральный совет пионерской организации, осуществлявший в основном методические и издательские функции — ему в ведение передали пионерские СМИ.

Но основным уровнем руководства работой пионерии оставался районный. Так, именно Райсовет ВЛКСМ направлял для руководства дружиной старшего вожатого, в задачи которого входил подбор инициативных старших пионеров в качестве вожатых для октябрятских звездочек, всегда подшефных конкретному пионерскому отряду.

Система шефства организовывалась по возрастному принципу — октябрятами-первоклассниками руководили пионеры-пятиклассники, в дальнейшем шефствующий и подшефствуемый отряд выросли параллельно, в год, когда октябрят ждала пионерия, пионеры уже постепенно вступали в комсомол.

Сама система шефства была выстроена следующим образом.

1–3 классы — октябрятская группа при пионерском отряде, 3 класс выступал основой для бесшовного перехода — в начале года среди наиболее активных октябрят создавалось пионерское звено, в течение года растущее.

В начале 4 класса октябрятская группа преобразовывалась в полноценный пионерский отряд, получала знамя от выпускников, училась под руководством

вожатого-старшеклассника сама вести шефскую работу, а в 5 классе принимала шефство над новыми первоклассниками и вела его в течение 5–6 класса. В 7 классе старшие пионеры должны были стать основой активности пионерских дружин.

Наконец, 8 класс был выстроен по аналогии с 3-м: в отряде появлялась комсомольская группа, которая росла в течение года и, в идеале, должна была бы полностью включить весь отряд.

Основной амбицией проекта была идея непрерывного вовлечения пионеров в общественно-полезную деятельность — через комсомольские задания и поручения, через широкую сеть соревнований, слетов и других мероприятий. Но даже, если поручений не было, пионерам предписывалось занимать себя, обеспечивая работу Пионерского поста — следить за посещаемостью и успеваемостью, помогать учителям. Если и здесь было нечего делать, в программу пионерской работы входила так называемая «разведка полезных дел» — фактически поиск поручений от органов власти, комсомола, школы или даже родителей.

За ведение пионерской работы была предусмотрена широкая сеть поощрений детей от почетных знаков и званий до вынесения публичной благодарности перед строем. Каждое выполненное пионерское поручение предполагалось фиксировать в особой карточке, выдаваемой на руки, о выполненных отрядами и дружинами поручениях сообщалось в пионерских СМИ, выполненными поручениями отряды отчитывались и на итоговых слетах и сборах.

Главным камнем преткновения на обсуждениях в ЦК ВЛКСМ стала программа возрастных ступеней пионеров и привязанных к ней пионерских умений. И если со ступенями определились довольно быстро, выделив 3 ступени по 2 года в каждой, то вот объем требуемых от всех пионеров умений вызвал серьезные дискуссии. Отдел по работе среди школьной молодежи и пионеров ЦК ВЛКСМ, разработавший первичный проект, настаивал на очень широкой номенклатуре умений. К примеру, всем ученикам 3–4 классов предписывались в числе прочего 12-километровый поход по пересеченной местности, знание биографии Ленина и умение играть на барабане. К старшей ступени требования становились совсем уж завышенными, включая навыки проведения электропроводки и хождения под парусом.

Такой норматив был подвергнут критике первым секретарем ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепиным, назвавшим его требованиями к идеальному пионеру, а не к абсолютно всем пионерам. По инициативе Шелепина требования были существенно снижены, впрочем, местами они были даже дополнены. Так, пионерам 3–4 классов вместо знания жизни Ленина достаточно было выучить примеры из нее.

Вплоть до наших дней советская пионерия по масштабам, всеохватности, организованности и ожидаемым результатам представляет собой не имеющий себе равных проект молодежной организации, берущий на себя одновременно часть воспитания детей, их социализацию и внеурочную деятельность. Интеграция детского коллектива в государственный или, вернее, партийный механизм провалилась в главном — как раз в масштабах.

Накануне перевода А.Н. Шелепина в ЦК КПСС из Комсомола, в 1957 г., реформированная пионерия оказалась под взглядом извне [10] — в СССР прибыла перенять опыт молодежной работы делегация Союза свободной немецкой молодежи ГДР во главе с главой организации Хайнцем Шпиндлером. Команда комсомольских реформаторов встретила товарищей-коммунистов на высоком уровне, «гидами» выступали будущий сменщик

Шелепина на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ В.Е. Семичастный и уже упомянутая З.П. Туманова, перевел будущий известный переводчик литературы ГДР Юрий Легких. В программу вошли посещения школ Москвы, Ленинграда и Батуми, Бауманского районного дома пионеров в Москве, лагеря «Артек». Неожиданно для хозяев, немецкие гости подвергли работу с пионерами критике. Автор отчета, Семичастный, вынужден был с сожалением констатировать, что все руководители школ в один голос отчитывались о десятках кружков, культурно-массовых мероприятиях, общественно-полезных делах, но терялись от простого вопроса — какие дела спланируют отряд в единый коллектив? После первых неудач Семичастному пришлось заранее готовить в посещаемых школах актив к беседе с немцами и даже задавать ее ход наводящими вопросами, неудивительно, что меньше всего гостям понравилось в московских школах, посещенных первыми, а больше всего в школах Батуми, посещенных последними. Пионеры и их наставники совершенно терялись от вопросов о роли рабочего класса в пионерском движении, об участии пионерского отряда в строительстве социализма, об осуществлении принципов Макаренки, о роли вожатого как функционера молодежной организации, а не учителя или воспитателя. Зато обилие упоминаний Сталина и школьниками, и руководителями заставило немцев нервничать и даже спрашивать Семичастного, не оскорбили ли они хозяев тем, что совсем не спрашивали о Сталине.

Отчет Семичастного, конечно, нельзя считать «итогом» реформы пионерии, находившейся в процессе проведения в жизнь, но весьма примечательны проблемные моменты в функционировании пионерии, связанные с формированием коллектива, подвешенные самими комсомольскими функционерами.

Не выдерживала советская детская организация и претензию на статус образца для детских организаций стран «народной демократии». Это заметно по поступающим в ЦК ВЛКСМ тревожным замечаниям о падении спроса на пионерские СМИ в социалистических странах, особенно в Польше и Венгрии, при том что в капиталистических он остается почти неизменным. Так, число подписок на «Пионерскую правду» польских школьников снизилось за 1956–1958 гг. с 125 тысяч до 36 тысяч [10].

На состоявшемся VI Всемирном фестивале молодежи и студентов снова дали о себе знать поляки, произведя локальный скандал — делегация СССР прямо на трибуне обвинила их в насаждении национализма и суеверий среди детей [10]. Самые большие делегации для консультаций с советскими специалистами по работе с молодежью прислали капиталистические страны — Франция, Англия и Финляндия. От финнов же исходил один из многих развернутых ответов на поданный с целью ознакомления с зарубежным опытом запрос ВЛКСМ о функционировании молодежных организаций в стране. Даже в отчете о почти под копирку воспроизведшей у себя пионерию албанской молодежной организации заметны курьезы. Так, главным из пионеров-героев албанские дети считали Павлика Морозова и гордо приводили в пример своего соотечественника, повторившего «подвиг» [10]. Чем дальше, тем слабее становилась связь социалистической молодежи стран «народной демократии» с советской. Где-то здесь можно разыскивать истоки молодежных протестных движений 70-х — в неспособности Комсомола предложить однозначно привлекательную и адаптируемую педагогическую модель воспитания будущего коммуниста.

В каком-то смысле можно сказать, что пионерия как воспитательный эксперимент замахнулась слишком на многое и слишком унифицировано. Идеологическая индоктринация, походная деятельность, внеурочное обучение, культурное просвещение,

даже начальная военная подготовка — все сплелось в ней, не позволяя отнести ее к какому-то одному типу молодежной организации. Она не «школа юных партийцев», не культурно-просветительский союз, не парамилитарная организация, не просто еще одно движение скаутского типа... Пионерия пыталась быть всем сразу, работать по всем фронтам и, видимо, ощутило проседание по результатам за пределами отчетно-парадных мероприятий. В массе она так и не добилась одной из своих задач — не забрала ребенка с улицы, чтобы ограничить деструктивное влияние среды и закрепление негативной социализации. Были, конечно, образцовые отряды, но были и формальные, собирающиеся раз в месяц обсудить двойки. Сама идея однотипных, унифицированных по форме и содержанию отрядов по всей стране — единого воспитательного пространства — жестко контрастировала со всей историей молодежных организаций мира, направленных прежде всего на активистов, на желающих, ведомых педагогами-энтузиастами — и это сказывалось. К тому же предельная унификация привела и к тому, что опыт пионерии оказался в значительной степени невоспроизводим в других странах. Сама идея единого, под одну гребенку воспитательного пространства противоречила разнородности тех сил, которые составляли общество, и каждая из которых требовала собственного подхода.

Весьма примечательно, что в успешных кейсах работы пионерия демонстрировала действительно впечатляющие образовательные и воспитательные результаты. Тысячи детей на базе Пионерской организации — особенно Домов пионеров — получили возможность развиваться в различных направлениях. Обязанность вожатых вести хотя бы один кружок подстегнула и клубную активность школьников. Созданная в СССР детская инфраструктура, касающаяся, например, массового спорта, относится к однозначным успехам советской молодежной политики. Были и неудачные кейсы, например явление массовой криминализации молодежи в позднем СССР. Много литературы написано о «казанском феномене» [11; 12], вошедшем даже в массовую культуру. Более 100 подростковых бандформирований, «деливших» между собой один из крупнейших городов страны и, по свидетельству одного из очевидцев, организовавших структуру своих групп по образцу пионерских отрядов — едва ли удастся найти более яркий пример провала советской модели воспитания и коллектива. Парадокс пионерии в том, что свой кризис она пережила, обладая почти совершенной организационной моделью, обширным методическим базисом, развитой инфраструктурой, множеством профессиональных кадров. Еще не распался Союз, а молодежь уже стихийно возвращалась к моделям негативной групповой социализации, напоминающим едва ли не описанные в разделе статьи об этнорелигиозном воспитании эпохи догосударственной школы.

Потом закончилась история Советского Союза — и «казанский феномен» начался уже по всей стране. Конечно, педагогический кризис в данном случае наложился на бедственное положение в стране, усугубившись многократно и частично сгладившись по мере нормализации повседневности большинства населения. Но характерное для части течений общественной мысли мнение о педагогически беспроblemном характере существования пионерии явно представляет собой преувеличение, далекое от ощущения даже самих руководителей организации.

В современной России постепенно возрождается интерес педагогов к образовательной технологии воспитания коллективом, равно как и к явлению молодежных организаций во всем разнообразии их исторических форм. Особенно актуальны такие форматы оказываются в свете мультикультурного характера российского общества [13]. К 2025 г. в окру-

жающей действительности можно наблюдать попытки воспроизведения едва ли не какой исторической модели образовательного или воспитательного института. Данный исторический обзор показывает, насколько далека от решения педагогическая проблема поиска оптимальных форм учебного коллектива. Однако, все охарактеризованные типы работы с детьми позволяют прикинуть и то, насколько большой путь прошла отечественная и мировая педагогика, насколько существенный методический опыт был накоплен. Разнообразие и разнонаправленность исторических форм могут привести к постмодернистски-ложному ощущению угасания креативности, к мнению, что «все уже придумано». В действительности современная педагогика как никогда ощущает потребность в подлинных инновациях, основанных на данных современной науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАЛИ, Ф. 436. Оп. 2. Ед. хр. 543.
2. *Веретенко В.А.* Вырашивание революционера: концепция «свободного воспитания» в элитных школах России конца XIX — начала XX века // Самарский научный вестник, 2018. Т. 7. № 1(22). С. 165–171.
3. *Листопадов Д.Ю.* Лагеря «потешных» войск в 1910–1913 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XIV Международной научной конференции: в 2 ч. Иваново, Ивановский государственный университет, 2015. С. 403–408.
4. *Гефнер О.В.* Военные и патриотическое воспитание молодежи в начале XX в.: «потешное» движение в городах Западной Сибири // Вестник Омского университета. 2010. № 2(56). С. 162–172.
5. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. 5-е изд., испр. М., Лабиринт, 1999. 352 с.
6. *Макаренко А.С.* Педагогические сочинения: в 8 т. М., Педагогика, 1983. Т. I. 368 с.
7. *Иванов И.П.* Методика коммунарского воспитания: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1990. 144 с.
8. РГАСПИ. Ф. М-2. Оп. 1. Ед. хр. 5.
9. РГАСПИ. Ф. М-2. Оп. 1. Ед. хр. 15.
10. РГАСПИ. Ф. М-2. Оп. 1. Ед. хр. 16.
11. *Хавшабова Д.А.* Причины возникновения «казанского феномена» // Eromen. Global. 2024, № 48. С. 102–106.
12. *Попова К.В.* Резкий рост количества бандитских группировок Татарской АССР в 80-е годы XX века. «Казанский феномен» // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы IV Международной научной конференции. СПб., СПб гос. ун-т промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 388–392.
13. *Пешкова В.М.* Транснациональное детство. Часть II: Место и роль детей в миграции из Средней Азии в Россию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021, № 5. С. 450–472.

REFERENCES

1. RGALI, f. 436, op. 2, units hr. 543.
2. Veremenko V.A. *Vyrashchivanie revolyucionera: koncepciya “svobodnogo vospitaniya” v elitnyh shkolah Rossii konca XIX — nachala XX veka* [Raising a Revolutionary: The Concept of “Free Education” in Elite Schools in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries], *Samarsky nauchny vestnik* = Samara Academic Bulletin, 2018, vol. 7, No 1(22), pp. 165–171. (in Russ.)

3. Listopadov D.Y. *Lagerya “potesnyh” vojsk v 1910–1913 gg.* [Camps of “Toy-army” Troops in 1910–1913], *Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov v istorii Rossii XIX–XXI vekov, materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* = State, society, church in the history of Russia in the 20th–21st centuries, Proceedings of the 19th–22nd International Scientific Conference, in 2 parts, Ivanovo, Ivanovsky gos. Un-t, 2015, pp. 403–408. (in Russ.)
4. Gefner O.V. *Voennye i patrioticheskoe vospitanie molodezhi v nachale XX v.: “potesnoe” dvizhenie v gorodakh Zapadnoy Sibiri* [Military and Patriotic Education of Youth in the Early Twentieth Century: A “Toy-army” Movement in the Cities of Western Siberia]. *Vestnik Omskogo universiteta* = Bulletin of Omsk University, 2010, No 2(56), pp. 162–172. (in Russ.)
5. Vygotskiy L.S. *Myshlenie i rech* [Thinking and Speech], Moscow, Labirint Publ., 1999, 352 p. (in Russ.)
6. Makarenko A.S. *Pedagogicheskie sochineniya v vosmi tomah* [Pedagogical Essays in Eight Volumes], Moscow, Pedagogika Publ., 1983, vol. I, 368 p. (in Russ.)
7. Ivanov I.P. *Metodika kommunarskogo vospitaniya, Kn. dlya uchitelya* [The Methodology of Communal Education: A Book for Teachers], Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990, 144 p (in Russ.)
8. RGASPI, f. M-2, op. 1, st. unit 5.
9. RGASPI, f. M-2, op.1, st. unit 15.
10. RGASPI, f. M-2, op. 1, st. unit 16.
11. Hayshabova D.A. *Prichiny vozniknoveniya “kazanskogo fenomena”* [The Causes of the “Kazan Phenomenon”], *Epomen. Global*, 2024, No 48, pp. 102–106. (in Russ.)
12. Popova K.V. *Rezkiy rost kolichestva banditskih gruppirovok Tatarskoj ASSR v 80-e gody XX veka. Kazanskij fenomen* [A Sharp Increase in the Number of Bandit Groups in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1980s. The Kazan Phenomenon], *Gumanitarnye nauki v sovremennom vuze: vchera, segodnya, zavtra: materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii SPb, St Peterburgskij gosudarstvennyj universitet promyshlennyh tekhnologij i dizajna* = Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow: Proceedings of the IV International Scientific Conference SPb, St Petersburg St. Un-ty of Industrial Technology and Design, 2021, pp. 388–392. (in Russ.)
13. Peshkova V.M. *Transnacionalnoe detstvo, Chast II, Mesto i rol detej v migracii iz Srednej Azii v Rossiju* [Transnational Childhood. Part II: The Place and Role of Children in Migration from Central Asia to Russia], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* = Monitoring public opinion: economic and social changes, 2021, No. 5, pp. 450–472. (in Russ.)

Яковлев Матвей Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), mattyakovlev@gmail.com

Matvey E. Yakovlev, PhD in History, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), mattyakovlev@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.01.2026. Принята к публикации 17.07.2026

The paper was submitted 26.01.2026. Accepted for publication 17.07.2026